

СПРАШИВАЕМ —

ОТВЕЧАЮТ...

БЕСЕДА с Борисом Федоровичем Андреевым началась с традиционного, но неизбежного вопроса о детстве, об учебе, о первых шагах в искусстве.

— Я волжанин. Родился в Саратове. Во времена моего детства самостоятельность бурно развивалась всюду — в заводских клубах, в любительских кружках. Было мне шесть лет, когда впервые попал на сцену. Разыгрывалась бытовая драма, и мне досталась роль ребенка, которому положено было плакать и терзать своих родителей, пока они бурно ссорились. Сначала я хорошо плакал, просто потому что было страшно, а потом уже потому, что мне нравилось, когда мной восхищались, гладили по головке и приговаривали: «Какой талантливый мальчик». Вот так я впервые «заказился» театром.

Дети — народ неугомонный. Им всегда хочется праздника, и таким праздником для нас был дом соседа-артиста, к которому мы, мальчишки и девочки, ходили гурьбой. У него было весело. Играла гитара, слышались веселые голоса.

Но годы детства, босяцкого и привольного, кончились. Умер отец. Надо было кормить семью. В 14 лет пошел на завод учеником слесаря-электрика. Однако увлечение театром не прошло. Занимался в заводском клубе у артиста И. А. Слонова. Это был человек удивительный, он в нас воспитал благоговейное отношение к искусству. Все заводские отношения к подобным занятиям покровительственно. В 17 лет мне удалось поступить в театральную студию при Саратовском драматическом театре имени Карла Маркса. Через три года я впервые поехал на гастроли в Москву и здесь снялся в своем первом фильме «Трактористы».

— Легким ли был для вас переход со сцены на съемочную площадку? Ведь с тех пор вы никогда не изменяли кинематографу...

— Кино сразу увлекло меня своими масштабами — я могу говорить через экран с тысячами людей! Это потрясло. Другое преимущество кино — большая достоверность происходящего. Здесь ни театральная условность, ни бу-

тафорни. Здесь простор, живая натура, и актер в обстановке, максимально приближенной к жизни, должен чувствовать и играть характер героя тоньше. Рядом с настоящим трактором трудно фальшивить.

Кроме того, я был молод и к театру еще не приучился.

Борис АНДРЕЕВ:

ЗАДАЮ ВОПРОСЫ ГЕРОЮ...

Мне было легко сделать свой выбор — я стал киноактером.

— Судя по тому, что вы рассказали о себе, можно назвать вашу судьбу счастливой, ведь осуществить мечту детства — это большое счастье для любого человека.

— Да, я действительно считаю, что моя жизнь сложилась счастливо. У меня никогда не было перерыва в работе. Предложения следовали одно за другим: не успевал я сниматься в одном фильме, предлагали новую роль. Мне довелось работать с прекрасными режиссерами: Григорием Рошалем, Леонидом Луковым, Александром Довженко, Юлией Солнцевой, Иваном Пырьевым. Мои первые партнеры — Николай Крючков, Петр Алейников, Марк Бернес. В фильме «Богдан Хмельницкий» снимался вместе с Николаем Мордвиновым. Но самая главная радость художника заключается в открытии неведомого доселе тебе человеческого характера.

— Можете ли вы сказать, как происходит это открытие, как создается образ?

— Во-первых, я никогда не надеялся на то, что режиссер будет отрабатывать со мной роль. С первых дней в кино приучил себя к самостоятель-

ности. Разумеется, постановщик дает основную канву образа, но я знаю, что сам должен быть готов к созданию характера, и это происходит задолго до съемок, это начинается с первого чтения сценария.

Избрав путь актера, я задумался: а что же такое человеческий характер? Из чего он строится? Что подразумеваем мы, когда говорим «широкая душа» или «низкая душонка»? Мне этих определений недостаточно. Мне нужно дойти до сути, до истоков того, в ка-

к бывать в действии моего героя много часов. Только после этого сосредоточенного размышления рождается действие сложное, подлинное, живое...

— Но, по-видимому, одних размышлений о жизни персонажа было бы недостаточно?

— Разумеется. Мне всегда хотелось узнать, какая разница между чувством реального переживания и чувством, выражаемым в образе. Что происходит в моей психике, когда

кх поступках, в каких подчас неумовимых движениях будет проявлять себя то или иное состояние героя. Его идеалы. Его цели, глубоко скрытые и противоречивые для него самого; что прячет герой, маскируясь, а что намеренно подчеркивает? На все эти вопросы я должен был ответить самому себе, а уже потом зрителю.

И все же рождение роли — чудо. Сколько ни объясняют этот процесс, всегда остается непостижимая грань переживания и самонаблюдения: а как я играю? Искренность, взволнованность — и все же... Все же, смерть друга в жизни — это совсем не то, что смерть друга моего героя, но почему-то я знаю очень хорошо, как он будет вести себя в подобной ситуации.

— Борис Федорович, ваши персонажи зачастую скупы на слова, на проявления чувств. Такое порой впечатление, что то, о чем они молчат, значительнее того, что высказано ими.

— Мне как бы приходится выспрашивать героя обо всем, что он помнит или забыл со времен далекого детства, знать все его скрытые влечения души, его тайны. Часто человек отказывается ставить себе в вину то, что хранит в тайниках подсознания. Порой приходится молча, но двигаясь, пре-

мне надо сыграть холодного, угрюмого человека или порывистого, kloкочущего? Вот что заставило меня обратиться к Сеченову и Павлову, к ленинской теории отражения. Все это помогло понять законы постижения мира вообще, а затем разобраться и в самом себе.

В далекой молодости я увлекался философией. Никто читать не заставлял, а рвение к книге было огромно. Хотя я рос в простой семье, тяга к образованию была. Так вот, попал как-то в мои руки Дидро и его знаменитый трактат «Парадокс об актере». Его утверждения меня тогда возмутили, и особенно обидным показалось сравнение актерской игры с обезьяньими проделками. Я чувствовал, что мое отношение к роли совершенно не похоже на ту манеру, которую он описывал. Но эта манера существовала. И тогда я впервые задумался о том, что же такое актерское самочувствие, из чего оно складывается. Ведь я сам-то знал, что работа над ролью захватывает все мои чувства! Вот с этого и началось. Размышления заставили братья и за психологию, и за философию. Теперь мне кажется, что без этого вообще никакая деятельность человека немислима, если бы, конечно, хотел делать свое дело сознательно, а не как машина.

— Судя по обилию книг в вашей библиотеке, вас интересуют не только философия и психология.

— Живопись и литература — для меня проникновение в далекие миры, эпохи, в совершенно иное восприятие людей, отличное от моего. Интересно. Читаю письма Бунина к Льву Толстому. Охватывает глубокий восторг. Как эти люди умели мыслить! Чувствовать! Как горячо жили, волнуясь, любя, негодуя, — и во мне появляется что-то новое, желание шлифовать себя, самосовершенствоваться. Я знаю, что до вершин мне еще далеко, но я радуюсь тому, что они есть.

Часто на съемках, особенно когда что-то не ладится, под палящими «лучами» юпитеров вспоминаю детство. Природу Поволжья, простор и тишину, обветренные лица рыбаков, лодочника у переправы. Все это осталось в сознании как что-то очень прочное, незыблемое, как то, что помогает жить в душном городе, радоваться даже потоку машин и, в сущности, принимать мир таким, каков он есть. Очень люблю природу и не представляю, как можно быть к ней равнодушным, безжалостным. Очень горько видеть, как иной раз леса и реки гибнут от бесхозяйственности.

А настоящей мой вдохновитель и помощник — музыка. Когда чувствую, что надо внутренне собраться, сосредоточиться, беру пластинку Шалыпина или слушаю Рубинштейна. Очень люблю Чайковского, его симфонии, некоторые произведения Шостаковича, Мусоргского. Много человек создал прекрасного, но есть вещи со звуками, которые помогают выдерживать ритм современной жизни, дарят душевные силы.

А как приятно в свободную минуту покопаться в книгах и вдруг натолкнуться на радость собственной вспыхнувшей заинтересованности...

— И последний вопрос. Борис Федорович, говорят, что актер в своей работе в основном идет не от анализа, а от эмоций и ощущений. Что именно вы признаете здесь главенствующим?

— Чувство любви. Без любви к природе, к искусству, к людям, к познанию нет человека творящего. Любовь приподнимает над землей, ведет на открытия и подвиги. Именно настоящая, высокая любовь — залог чистоты и постоянства.